

Сорок калик (2)

Собиралися ребятушка к тому ли морюшку ко Холодному,
К тому же кресту Леванидову.

Собралось-то ребятушек сорок калик со каликою:

«Пойдём, робятушка, во Свету́ Землю Ерусалимскую —
Светой гробнице, Бо́гу помолитися,
Бо́гу помолитися, во светой реке Иордан покупатися,
На плакун-траве покататися!

Мы положим-ко, робята, заповедь тежолую:

Ищё кто из нас заболуетца,

Ищё кто из нас заворуетца —

Не будем судить судом — русским,

А тем будем судить судом — еврейским:

Живого зароем по пбес во сыру́ю землю́,

И у живого глаза выкопām,

И оставим во цистом поле!»

(И вот и отправились во Светую Землю́ Ерусалимскую.)

И отправились ребятушки во Святую́ Землю́,

Пришлось им идти мимо Киев-град,

Пришлось им ночлеговать в Киеве

У князя у Владимира.

Во то время, во ту пору князя Владимира не было дома. Одна была кнегиня
Опраксея

Васильевна. Из них пондравился ей Данило Белый-Серафимская шапка. «Ну,
— говорит, —

Данилушка, останься ты у нас в услуженьици!» — «Куда в услуженьици?» —

«А над складами

зеленá вина и над склáдами золотой казны! Зеленó вино будет сдаваться
тебе не мерено, а золотá

казна будет для тебя не считана!» А то́гда Данилушко сказал ей: «Нет,

Опраксея Васильевна!

Нельзя нам здесь остаться, от партии!» — «А почему так, нельзя остаться?»

— Опраксея

говорила. — «А потому, что у нас положена заповедь тежолая. Ещо кто из
нас забалуется, ещо

кто из нас заворуется — не будут судить судом русским, а будут судить судом еврейским. Вот и заруют во сыру́ землю по по́яс и у живого выкопают глаза! И оставят на цистом поли!» Ну, Опраксея то́гда и подумала, что Данила у ней не останется. То́гда она князя Владимира взяла чашечку золотую, положи́ла ему в кошёлочку.

Вот калики собрались и ушли.

Уже три дня прошло. Опраксея Васильевна и хватилась: што эта серебряна чашечка, с которой князь кушает? Чашечки нет! Вот и стала она посылать из бо́гатырей ехать догнать калик перехожих: не попала ли эта чашечка им случайно? Вот пошла к бо́гатырям: «Поеждяйте-ко, бо́гатыри! Догоните калик перехожих!»

Вот и стали бо́гатыри выбирать: кому ехать. Ехать нужно Олёшеньке Поповичу. Олёша Попович срежалса скорёхонько.

Срежалса Алексеюшко скорехонько,
Сподоблялся Алексеюшко скоре тово,
Выходил Олёшенька на конюшен двор,
Выводил Олёшенька добра́ коницька,
Садился Олёшенька на добра́ коня.
Не видели бо́гатырской поездоцки —
Только видели: в цистом поле курева́ пошла.
Нагонил Олёшенька на цистом поли сорок калик со каликою,
И крикнул Олёшенька своим громким голосом:
«Не покрали ли кто, товарищи,
Золоту чашечку князя Владимира?..»

А калеки перехожие крикнули все в голос! Так здорово крикнули, что Олёшенька чуть с добра́ коня не свалилса! То́гда Олёшенька Попович поворотил добра́ коницька и поехал в стольней Киев-град. «Ну, товарищи, ничего не мог я розыскать!»

И стали бо́гатыри выбирать Добрынюшку Микитича. «Ну-ко ты поезжай,
Добрынюшка
Микитич, во чисто́ поле!»

Срежалса Добрынюшко скарёхонько,
Сподоблялся Микитич скорё тово,
Выходил Добрынюшко на конюшен двор,
Выводил Добрынюшко добра́ ко́ница,
Накладывал седёлышко черкасьское,
Двенадцеть подпружечек подпрегивал
И сам подпругам приговаривал:
«Это не ради басы́ — а ради крепости!»
Не видали бо́гатырской поездочки —
Только видели: в цистом поле курева́ пошла.

(И тот покатыл!)

Нагонил Добрынюшка Микитич калик перехожих на чисто́м поли,
Объехал кругом их и слез с добра́ коня́,
Снял пуховую шляпу.

Во пра́вой руки коня ведёт,
Во лево́й руки шляпу несёт.

(Идет ему навстрету.)

И тут-то Добрынюшко роскланялся:

«Уж вы здраствуйте, уда́лы до́бры молодцы!

Уж вы сядьте, добры молодцы, да позалогуйте!»

Ну, тут и сели калеки перехожие.

«Вы откуда, добры молодцы, идите́ и куда пошли?» —

«Мы пошли́ от морюшка Холодного,

От того креста от Леванидова.

А пошли в землю́ Ерусалимскую:

Во светой гробнице Богу помолитися,

В Иордан-реке покупатися,

На плаку́н-траве покатытися» —

«Да што же, — говорит, — калеки перехожие,

Не ночлеговали в городе Киеве

У князя Владимира?»

Они отвечали: говорят, ночлеговали. «Случайно, товарищи, не попала ли
вам чашечка золотая,

из которой он кушает? Посмотрите друг у дружки: не попала ли случайно?»

(Он просит их.)

А они ответили: «Не должно быть!» — «Ну всё-таки, братцы, посмотрите! Нечайно, может быть!» Они тогда и согласились. Вот и стали искать, кошелочки развязывать. Смотрели, смотрели, вот до него дело дошло — у Данилы нашли!

Вот тогда стали Данилушка судом судить еврейским. Вот и закопали его по поес, одни руки на воле оставили! Тогда и глаза у его выкопали! Тогда осталса Данилушко во чистом поли. А они пошли во Свету Землю Ерусалимскую. Вот и пришли в Свету Землю Ерусалимскую, ко светой гробнице. Богу помолились. Во светой реке Иордан покупались.

Потом пошли на Вертеп-гору, на плакун-траву. Видят: человек идёт. Один одному и сказал:

«Данила идёт, ребята!» А они: «Не может быть! Данила остался в чистом поле, глаза повыкопаны!»

Потом ближе подходят — видят, што Данило, который был ими в землю зарыт и окарапан.

Их ужас взял! Што за чудо? Што могло быть?

Тогда они промеж себя и догадались, што эта чашечка была ему ложно подложена.

(Тем и кончилось.)

(Зап. А. М. Астаховой 13 июля 1928 г.: д. Малые Нисогоры Лешуконского р-на — от Поздякова Ивана Ивановича, 57 лет.)

РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 4: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2004.